

Александр Мартовский

Армейский цикл

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
М29

М29 **Мартовский А.**
Армейский цикл: Том 1 / Александр Мартовский – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2013. – 292 с.

ISBN 978-5-458-53333-1

Государство никак не считается свободным, если в нем существует воинская повинность. Конечно, можно собрать могучую армию под дулами автоматов и задавить врага численностью, положив по пятьдесят и больше своих солдат на каждого солдата противника. А что потом? Читаем правдивые истории Александра Мартовского.

ISBN 978-5-458-53333-1

© Lennex Corp, 2013
© А. Мартовский, 2013

АЛЕКСАНДР МАРТОВСКИЙ

АРМЕЙСКИЙ ЦИКЛ

ТОМ 1

«Военные живут всегда в атмосфере общественного мнения, которое не только скрывает от них преступность совершаемых ими поступков, но представляет эти поступки подвигами»

Лев Толстой. Воскресение.

«В военном обществе дух любви к отечеству, рыцарской отваги, военной чести возбуждает насмешку; уважается угнетение, разврат и лихоимство»

Лев Толстой. Проект о переформировании армии.

АРМЕЙСКИЕ РАССКАЗЫ

ПИСЬМА СТАРОГО КОММУНИСТА

Устроившись в воинскую часть на место самого младшего из инженеров, я унаследовал древний кульман с разбитой столешницей, кособокими полками, кирпичом вместо ножки.

- Придется вам потерпеть, - заявило начальство. - На сегодняшний день государство Советский Союз испытывает большой дефицит в строительных материалах, не говоря о древесине или бумаге.

Я согласился терпеть. Обстоятельства мои такие. И характер не из самых склочных. Как понимаете, мягкий характер, что не способен с места в карьер начать революцию.

- Государственный путь, - это я понимаю.

Хотя не моя идея, но все оттуда, откуда проводит политику правильное и терпеливое начальство. Путь извилистый, усыпанный чаще шипами, чем розами. Слишком нетерпеливых товарищей у нас многовато, а значит, хватает расходов на наши права и обязанности за счет государства.

- Государственный интерес, - это я повторяюсь.

Оно куда проще, если придется терпеть, сообразуясь с чем-то большим, чем собственные амбиции. Правильный выбор среди множества неправильных выборов приносит не только одни пряники. От нетерпимости к патриотизму, от не совершенной идеологии к совершенному восприятию окру-

жающей среды, от старого к новому миру. Любая победа или любая удача даются с трудом, после многих усилий, мучений и пота.

Я ни какой-то там раздолбай. Я понимаю государство, задачи и цели его, и все остальное, тем более невозможность растрачивать силы на разные пустяки, табуретки, столы, стулья. Душа моя не самая светлая. Значит, понимается подобное дело каналами темной души и приветствуется без пощады. Ну, и чтобы не было скучно, вот тебе кульман, разбери от наследственной грязи.

- Какое-никакое благо, - тот же источник, - Захотелось показать себя с правильной стороны, не заглядывая в чужой карман. Только показавши себя с правильной стороны, ты заслужишь уважение товарищей по работе. Только заслуживши уважение товарищей по работе, ты станешь таким, как другие товарищи.

Короче, я засучил рукава, я приступил к делу. Само мероприятие оказалось весьма интересным. Старая подшивка газет как номер один в моем списке. Она возвратила минувшие, то есть чертовски прекрасные дни Брежневщины из мрака небытия на вершины коммунистического застолья.

- Съезд и стакан, - ей богу, я зачитался.

Все прекрасное такое оно мимолетное. Вот мы съезжаем, вот разъезжаем. Вот мы на сто процентов прорвались вперед, вот туда же прорвались назад. Непредсказуемые отчеты, воздушные идеалы, лучшие чувства вождя, рапорт очередному съезду горячо презираемой тобой партии, насмешка в каждой строке, что бежала-бежала и обогнала все прочее.

- Конференция и ускорение, - опять-таки я.

Оно поближе к концу, то бишь к концу Брежневщины. Можно подумать, не мысль, а металл. Или ускоренная мысль, что превратилась в металл. Собрались выдающиеся товарищи, побазарили на отвлеченную тему, типа наша непреходящая роль внутри судьбоносной эпохи, пошло ускорение. Мы извлекаем почти драгоценный металл, мы его формируем и выплавляем, чтобы затем претворить его в массу, во все эти серые ли-

ки и головы.

А что такое серые головы? Расскажу как-нибудь в другой раз, под стакан водочки, под бутерброд с колбасой. Сегодня времени нет, продолжаем разборки. Что там у меня за ускорением? За ускорением драные шлепанцы. Воняют, шелушатся, слоятся, на ощупь во что-то попал. Не очень свежее, но очень липкое что-то. Пальцы так и прилипли:

- Царственная находка.

Хотя скорее, просто наследство мое от прекрасного, чистого, светлого коммунистического прошлого. По недоразумению не понимаю наследство. По самоуверенной наглости, свойственной так или сяк молодежи, я отказался от шлепанцев в пользу помойного бака, как отказался затем от портрета вождя, стопки партийной литературы, цитатника в целофанированном переплете:

- Пускай отправляются, куда следует. Как оно все устарело.

Стыдно признаться, на место древних реликвий, способных украсить любую коллекцию мира, я засандалил спортивный костюм, пачку чистых листов, две тарелки, ложку и ножик, а еще чашку с раздолбанным краем:

- У каждого поколения свои глюки.

Стыдно признаться, из груды полезных вещей я оставил себе только скоросшиватель «Дело 614» плюс его содержимое. Скажем так, несколько не совсем опрятных листов под копирку находилось в скоросшивателе. И начинались листы всегда одинаково: «Начальнику политотдела части Полковнику Врулеву А.А. от ветерана партии, войны и труда Каменева Леонида Обломыча». Какого черта я такое дело оставил, даже сказать не могу. Не настолько у меня порочные наклонности, не такой паршивый характер.

Потерпите лицемеры,
Не устраивайте праздник.
Не долбите на примерах
Про поступок безобразный.
Фимиами ваш распахучий

Не приятнее навоза.
Я не хуже и не лучше,
Чем любая ваша роза.
Но зато не лезу в лужи
С намазанной балдою.
Я не лучше и не хуже
Ваших доблестных героев.
Короче, я заглянул в эту бездну.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Товарищ полковник! Разрешите вас величать именно так, сообразуясь с устоявшимися традициями непобедимой советской армии, выдвигающими на первый план должность и звание человека, как основополагающую характеристику его личностных качеств, особенностей, заслуг, совокупность оценки народа и государства.

Товарищ полковник, с настоящего момента не должно быть неясностей между двумя коммунистами. Ничего возрастного или отталкивающего. Ничего производственного и бытового. Нас двое, мы слиты в единый кулак, мы единица и только. А вы пожелали узнать, что это побудило меня, члена партии с сорок пятого года, пренебречь собственной выгодой, отбросить мелкие привилегии, вместо заслуженного отдыха отдаться работе в стенах родной части на благо отечества и благо народа. Извольте мой откровенный ответ. Я буду предельно краток, насколько мне позволяют скромность и совесть.

Собственно говоря, никаких секретов сегодня. Достаточно посмотреть телевизор, развернуть газетный листок, послушать радио или выйти во двор, на кипящую жизнь улицу. Вы понимаете, ничего секретного и зашифрованного, так ясно - мы катимся в бездну. Сдерживающие факторы чтобы остановиться - они отсутствуют. Зато прочие факторы или черные силы при полном параде. Практически уничтожено завоевание трех поколений трудящихся, молодежь развратилась смрадным духом, повеявшим с запада, в умах стяжательство и корысть, забыто все лучшее, все прекрасное, чем жили, горели мы, истые

ленинцы.

Товарищ полковник, отец родной, поделюсь с вами тайной. Сегодня каждый боец на счету, на предопределенном ему месте. Я не имею права позорно бежать, то есть покинуть вверенный пост, не отдавшись борьбе до последнего вздоха, как завещал нам великий Ленин, учила, учит, вечно будет учить великая партия.

Теперь вы знаете все. Можно сказать, заглянули в душу мою, вычерпали ее до конца и не обнаружили там нечто неподобающее или компрометирующее коммунизм. Вы знаете все, но не знаете главного, борьба потребует титанических усилий, чудовищного перенапряжения мысли, космического всплеска энергии. Слабым и хилым товарищам придется сойти, если забыто оружие, если затупился клинок перед боем.

Я решил заточить клинок, пока враг в нерешительности, не развязал боевые действия, есть шанс подготовиться. Я решил заточить клинок, но бессилён без вашей помощи. Так прибавьте мне пороху, подкиньте огня пылкой груди пламенного (нисколько не преувеличиваю) и праведного (опять то же самое) революционера.

Предоставьте путевку на юг, для закалки безжалостной стали.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Извините, что не писал по возвращении с юга. Думаю, долгий отчет о скитаниях в лоне врагов, исключительно населяющих благодатную область любимого нами отечества, опять-таки думаю и повторяю, этот отчет способен лишь растравить незажившие раны, не принеся ощутительной пользы партийному делу.

Оставим отчет в стороне. Если нет пользы, значит, ее нет. Но, поправляя здоровье, я не забыл указать властям на известные недостатки в системе обслуживания, торговли, питания и чего-то еще, чего мне удалось откопать, растряссти, обезвредить во время моего так называемого «отдыха». Тут, надеюсь, полный порядок. Вовремя предупрежденные власти не откажутся

(пусть только попробуют) нанести оплеуху выявленной мною шпане, негодяям, скотам и отбросам, порочащим честь, достоинство, кодекс строителя коммунизма, остальные прекрасные качества гражданина Союза Советских Социалистических Республик.

Я гражданин! Но речь не о том. Я хорошо потрудились на юге, я выполнил долг, я восстановился (что и следовало доказать), то есть полностью восстановился для предстоящей работы за нищие и малообразованные души таких же малообразованных товарищей, поступивших в отдел с последним набором.

Не желаю секретничать. Положение очень, очень серьезное. До сих пор не устранен отрицательный фактор, имеющий подавляющее значение при опохабливании святых идеалов, а также их замене на некий лубок, от которого сильно пахнет рукой запада. До сих пор гадит паркет, больше того, отравляет зловонным дыханием благоуханную атмосферу воинской части, или еще точнее, засоряет мерзкими фразами чистый эфир и пользуется какой-никакой популярностью подлый ренегат-отступник, никогда не состоявший в облагораживающих рядах комсомола, никогда не стремившийся в комсомол - Дмитрий Долгопятов, по прозвищу Длинный. Извините за выражение, но к товарищу Долгопятову глупая (читай «непроработанная») молодежь липнет, что скопище мушек на кучу отходов.

Положение не из легких. Родина поручила мне две заблудших овечки Александра Тощего и Сергея Ворчунова, только из института с его опять-таки недозволенными свободами. Я не могу оставить овечек в кошмарном черном лесу, среди болотной жижи и топей без соответствующего наставления. Пускай овечки Тощий и Ворчунов (возьмите их на заметку) просто рвутся из стада. Это не я, это они запутались, кто они есть. Будучи овечками, они хотят доказать, что бараны с крутыми рогами. Они доказывают нечто подобное, предпочитая само толковище на ренегатском гадюшнике размеренным ритмам рабочей системы.

Я понимаю, каждая вырванная у отщепенцев душа - ма-

ленькая победа справедливости над несправедливостью, общества над хаосом, коммунизма над идолом тьмы и еще чего-то так-кое... Зато каждая утраченная душа - более чем поражение. Понимаю и порываюсь исправить подотчетный мне материал, либо разоблачить его, если утрачен последний шанс на результат с положительным знаком.

Не волнуйтесь, товарищ полковник, я нахожусь в самом центре событий, обхаживаю, стерегу, принимаю и прислушиваюсь. Пока бесполезно, безрезультатно. При моем приближении заговорщики умолкают, начинают выделяться, точнее, выделять постные, сплошь невинные рожи. На несчастье, понять разговор или определиться из засады с основными тезисами заговора нет ни малейшей возможности. Тяжелое детство, самоотверженный труд, другие удары судьбы нанесли непоправимый ущерб всем моим органам. Слух пострадал в том числе. Требуется оперативная помощь врачей, наиболее осведомленных, наиболее грамотных в данном вопросе. Не секрет, товарищ полковник, лечение в наше время, особенно оперативное и дающее результаты, кое-чего стоит, кое во что обходится нам, простым смертным. Если бы с вами говорил спекулянт и барыга...

Родина не спекуляция. Нельзя спекулировать родиной. Вы понимаете, фонды социального стимулирования, премиальный, медицинский, черная касса и что-то еще создаются для определенной цели. Родина не подождет.

Что такое сотня-другая рублей, если враг на пороге?

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Спасибо, достойный друг, верный соратник по партии. Спасибо за помощь материального свойства, а пуще за помощь моральную. Каждый шаг дается мне нелегко, с болью, с кровью и желчью, дальше не помню с какими потерями. В каждой точке пространства назревает истинный бой с хитрой продажной сволочью. Одному не справиться здесь без крепкой руки бескорыстных товарищей, без помощи нашей воинской части и Родины.

Война продолжается. Я на передовой. Я не стесняюсь в средствах. Я веду наблюдение и маневрирую, как оно должно. Все-таки опыт, все-таки ум. Гораздо умнее сдержаться за холодной, за непробиваемой маской, скрыть горячие чувства, скрыть опять-таки вековую ненависть к подлым врагам, выждать момент для удара. Место действия - офицерский сортир. Я работаю в отвратительных, антисанитарных, антигуманных условиях. Я не ропщу при этом. Можно принять нечистоты, если таким путем получаешь два или три шанса быть начеку, чуть ли не бок о бок с мерзопакостным ренегатом и его завербованной шайкой.

Дух коммуниста не в силах сломить ни коварные происки негодяев, ни застывшая немощью плоть с менингитом, отитом, бронхитом, гастритом, ну и так далее. Ради интересов партии я пристрастился курить больше, чем следовало и, наконец, пообвык почитать отвратительный воздух параша за фимиам, воскуряемый нашим удачам. Ради интересов партии я готов рисковать не только удобствами, не только здоровьем, готов рисковать семьей, всем достоянием, нажитым за многолетнюю службу отечеству.

Добрый мой друг, товарищ полковник, зная ваш ревностный пыл по защите основ коммунизма, ваше стремление быть всегда впереди, а еще точнее, не только быть, но и находиться на гребне коммунистического и мирового движения, зная все выше указанное, я понимаю - вам недосуг заниматься мелкими просьбами. Однако надеюсь, вы знаете, где и когда можно поставить точку.

Следовательно, вы не обойдете меня в наградных к Октябрю, какой-никакой, но это наш и ваш праздник.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Любое дело стремится к развязке. Титанические усилия часто венчают успех, если не уступать никому, не жалеть никого, ползти на зубах (я повторяю, упорно ползти), пока своего не получишь. Все правда, все правильно. Как бы не был хитер ренегат, как бы не таился за маской порядочного гражданина, как